

УДК 82.09:821.511.152

DOI 10.30914/2072-6783-2025-19-1-121-128

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА МАРИИ ЕРЕМИНОЙ**С. В. Шеянова***Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация*

Аннотация. Введение. В мордовской литературе XXI столетия доминирует женское поэтическое творчество, разноаспектное изучение которого признается продуктивной исследовательской стратегией. **Цель работы** – раскрыть мотивно-образные кластеры любовной лирики эрзянской поэтессы Марии Ереминой. **Материалом** для анализа послужили ее стихотворения из сборника «Шка» («Время»). Для достижения цели использованы традиционные методы литературоведческого исследования (структурно-семантический, **метод** целостного анализа художественного текста), интерпретационный, гендерный подходы. **Результаты исследования, обсуждения.** В любовной лирике М. Ереминой репрезентированы различные вариации взаимоотношений женщины и мужчины, поэтому любовь в ее произведениях предстает в разных ипостасях – счастливая любовь и любовь-несчастье. Взаимная любовь воспринимается как удивительное, уникальное чувство, сила, гармонизирующая жизнь человека. В ряде произведений любовь осмысливается в онтологическом аспекте, воспринимается Божьим даром, который одухотворяет человека, развивает лучшие личностные качества. В стихотворениях о счастливой любви доминирует мотив единства влюбленных, преданности и верности, передаваемый посредством традиционных образно-ассоциативных рядов, а также оригинальной метафоризации явлений окружающей среды. Контекстуальными синонимами несчастной любви выступают наделяемые негативной коннотацией символические образы: соленые воспоминания, закрытая дверь, упавшая звезда, колючие ураганы, завядшие / растоптанные цветы и др. **Заключение.** К ключевым особенностям любовной лирики М. Ереминой относим оригинальное отражение эмоционально-психологического состояния влюбленной / нелюбимой / разлюбившей женщины, отказ от внешней индивидуализации возлюбленного, трансляция его роли, значимости в жизни женщины, восприятие героиней разрыва отношений как онтологически обусловленной, типичной жизненной ситуации, отсутствие вербально эксплицированного мотива расставания, вынесенного в подтекстовое пространство, доминирование традиционных образно-метафорических рядов в стихотворениях о взаимной любви, обилие авторских образных конструкций, ассоциативно соотносимых с понятием драматической любви.

Ключевые слова: современная мордовская поэзия, женская лирика, Мария Еремина, тема любви, лирическая героиня, мотив, символ

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00098 «Мордовская женская литература: специфика репрезентации гендерной картины мира, национально-художественное своеобразие», URL: <https://rscf.ru/project/24-28-00098/>.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шеянова С. В. Любовная лирика Марии Ереминой // Вестник Марийского государственного университета. 2025. Т. 19. № 1. С. 121–128. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2025-19-1-121-128>

LOVE LYRIC BY MARIA EREMINA**S. V. Sheyanova***National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation*

Abstract. Introduction. Mordovian literature of the 21st century is dominated by women's poetic creativity, the multi-aspect study of which is recognized as a productive research strategy. **The purpose** of the work – reveal the motives and images of the love lyrics of the Mordovian poetess Maria Eremina. **Research materials and methods.** The material for analysis was her poems from the collection “Time”. To achieve the goal, traditional methods of literary research (structural-semantic, method of holistic analysis of literary text), interpretive, and gender approaches were used. **Research results, discussion.** In the love lyrics of M. Eremina, various variations of the relationship between a woman and a man are realized, therefore love in her works appears in different forms – happy love and unhappiness love. Mutual love is perceived as an amazing, unique feeling, a force that

harmonizes a person's life. In a number of works, love is conceptualized in an ontological aspect, perceived as a gift from God, which spiritualizes a person and develops the best personal qualities. In poems about happy love, the dominant motif is the unity of lovers, devotion and fidelity, conveyed through traditional figurative and associative series, as well as original metaphorization of environmental phenomena. Contextual synonyms of unhappy love are symbolic images endowed with negative connotations: salty memories, a closed door, a fallen star, prickly hurricanes, wilted / trampled flowers and others. **Conclusion.** The key features of M. Eremina's love lyrics include the original reflection of the emotional and psychological state of a woman in love / unloved / falling out of love, the rejection of external individualization of the beloved, the translation of his role, significance in a woman's life, the heroine's perception of a breakup as an ontologically conditioned, typical life situation, the absence of a verbally explicit motive for separation, placed in the subtextual space, the dominance of traditional figurative and metaphorical series in poems about mutual love, the abundance of the author's figurative constructions, associatively correlated with the concept of dramatic love.

Keywords: modern Mordovian poetry, women's lyrics, Maria Eremina, theme of love, lyrical heroine, motive, symbol

Acknowledgments: the study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00098 «Mordovian women's literature: specificity of the representation of the gender picture of the world, national and artistic originality», Available at: <https://rscf.ru/project/24-28-00098/>.

The author declares no conflict of interest.

For citation: Sheyanova S. V. Love lyric by Maria Eremina. *Vestnik of the Mari State University*, 2025, vol. 19, no. 1, pp. 121–128. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2025-19-1-121-128>

Введение

Любовная лирика – один из самых рефлексивных и эмоциональных контентов в мировой литературе, что обусловлено как значимостью, ценностью любви в жизни человека, так и многогранностью чувства, разнообразием любовных переживаний. У каждого поэта свое восприятие любви, передаваемое посредством лирического «я» или лирического субъекта, оригинальные средства и способы отражения состояния влюбленности, взаимоотношений мужчины и женщины, вследствие чего авторские суждения по теме глубоко субъективны. Особую роль в развитии традиций отечественной любовной лирики сыграли авторы-женщины, в своем творчестве «отразившие личностный опыт и грани внутреннего мира, а также показавшие коренные изменения сознания, которые происходили в определенной культурно-исторической обстановке» [1, с. 41]. Лирику о любви можно воспринимать как авторскую философскую концепцию, отражающую мироощущение поэта, его «ценностные ориентиры, нравственные принципы, понимание смысла человеческой жизни, представление о том, что для автора дорого и свято» [1, с. 42].

Концепт «любовь» признается одним из фундаментальных понятий в финно-угорской лирике. Анализ данного феномена, рассуждения, по-

ложения о самобытности реализации классического мотивно-образного кластера находим в работах ряда исследователей, рассматривающих проблему как на материале отдельной литературы [2; 3; 4; 5; 6; 7], так и творческого опыта конкретных авторов [8; 9; 10; 11]. Вместе с тем тема любви в лирике претерпевает эволюцию, получает индивидуально-авторское воплощение, что вызывает необходимость ее постоянного мониторинга и изучения с целью определения национально-эстетического своеобразия, специфики творческой рефлексии.

В мордовской литературе любовная лирика как форма импликации индивидуально-авторского мироощущения проходит долгий путь становления, однако доминирующие позиции занимает лишь в последние десятилетия, что обусловлено, на наш взгляд, традиционными этническими представлениями эрзян и мокшан, слабо развитой фольклорной поэзией о любви. В литературном творчестве начала XX века интимное чувство редко становится объектом изображения, поскольку общественно-политические условия и идеологические манифестации времени определили образно-тематические предпочтения гражданской и пейзажной лирики. В поэзии советской эпохи любовная лирика не могла быть эстетически полноценно реализована по причине

табуизирования многих тем, аспектов. На рубеже XX–XXI столетий доминирование женского поэтического дискурса, потребность авторов-женщин в репрезентации интимных, эмоциональных контекстов своей субъективности, трансляции особенностей женской ментальности активизировали любовное направление в национальной лирике, о чем свидетельствует поэтический опыт Раи Орловой, Л. Дергачевой, Л. Рябовой, А. Подгорновой, М. Ереминой, Т. Мокшановой, С. Фадейкиной и др. Современные исследователи высоко оценивают мастерство авторов-женщин в раскрытии «всех граней сложного, порой противоречивого чувства, ... воспевании любви как величайшего дара, способного как возвысить человека, так и стать для него тяжелым испытанием» [9, с. 218].

Цель работы – раскрыть мотивно-образные кластеры любовной лирики эрзянской поэтессы М. Ереминой.

Методы и материал исследования

Материалом исследования стали стихотворения М. Ереминой из сборника «Шка» («Время»). Методы исследования: структурно-семантический, метод целостного анализа художественного текста, интерпретационный и гендерный подходы.

Результаты исследования, обсуждения

Любовь является частью художественной и философской концепции М. Ереминой, осмысливается автором основополагающим, жизнеутверждающим, животворящим началом. Палитра любви в ее произведениях многогранна: самоотверженное служение возлюбленному (*Эрямот пачка ливтян тештень валдокс...* ‘Через жизнь твою пролечу светом звезд...’, *Эрян вейке вановтот кисэ...* ‘Живу одним твоим взглядом...’), бесконечное доверие ему (*Лембе валсот вельтясак монь оном...* ‘Теплым словом укроешь мой сон...’), пророческое предчувствие (*Валдо кемемам пандтнезь раужосо...* ‘Светлая надежда заштопана черным...’), глубокое переживание (*А содат тон: седеем весэ, / А содат – тосо лайшитть вармат...* ‘Не знаешь ты: мое сердце в огне, / Не знаешь ты – в нем плачут ветры...’), осознание неизбежности расставания (*Явомась кельме парсейкс сравтовсь...* ‘Разлука

холодной парчой расстелилась...’, *Вармась пси ризкст ланганок явшась...* ‘Ветер горячую боль разделит между нами’), душевная пустота (*Ачарь-кодегат, стяконь кевктемат...* ‘Непонимание, пустые вопросы...’), *Кельме сувось моданть копачизе...* ‘Холодный туман окутал землю...’), ожидание прощения за причиненную боль (*Пульзян икелеть, нолдамак – энялдан...* ‘Преклонюсь пред тобой, отпусти – молю...’), *Кодамо чумом икелеть, кодамо?* ‘В чем моя вина пред тобой?’), трагическое (*Вели модась... Полавтовить шкат... / Отьмастонть оргодемс вийть а муян* ‘Кружится Земля... Меняется время... / Из греха вырваться сил не найду’), онтологическое (*Минек Пазось – Вечкемась* ‘Наш Бог – Любовь’), философское (*Иля учо, исень чись одов сы* ‘Не жди, что вчерашний день вернется’), оптимистичное (*Кемть монень, кода тонеть кеман* ‘Верь мне, как я верю тебе’) (Здесь и далее перевод подстрочный, наш – С. Ш.).

Лирическая героиня М. Ереминой сопричастна к традиционной системе ценностей, укоренившихся в народном сознании, в русле идущей от пушкинских времен поэтической традиции она является воплощением нежности, преданности, верности. Героиня верит в силу взаимной любви, которая несет в себе умиротворение, оберегает от боли, одиночества, наполняет жизнь смыслом и удивительной гармонией. Контекстуальным синонимом любви становится концепт «счастье». В стихотворении «Эрян вейке вановтот кисэ...» («Живу одним твоим взглядом...») счастье героини заключается в возможности любить, служить и быть преданной возлюбленному, смотреть в его глаза, «утонуть в его взгляде». Чувство окрыляет героиню, дает ей душевные силы (*Арасть селмон, вечкемат вийсэ кепетян¹* ‘Нет крыльев у меня, поднимусь силой твоей любви’), позволяет проявить внутренние ресурсы, желания (*Састо кузян ковонть малав, / Тешттнестэ леметь пурнаса* ‘Медленно поднимусь до луны, / Из звезд соберу твое имя’). Классические образы луны, звезд становятся ее союзниками, аккомпанируют ее эмоционально-психологическому состоянию. Для передачи жертвенности, преданности героини возлюбленному также используются традиционные образные

¹ Еремина М. Шка (Время). Саранск : [б. и.], 2023. С. 61. Далее ссылки в тексте на это издание будут даны в круглых скобках с указанием страницы.

ряды: *Весе зрямом пильгеть алов / Лов ашо толгинекс ертса* (с. 61) 'Всю свою жизнь тебе под ноги / Белым, словно снег, перышком брошу'. В данном стихотворении имплицировано восприятие счастливой любви как взаимной нежности, заботы, ответственного отношения друг к другу, ощущения полноты бытия.

Мироощущение влюбленной героини часто передается посредством пейзажных образов, препятствующих ее счастью. Текст стихотворения «Пертьпельксстэнтъ а сермадан ве валгак...» («О природе не напишу ни слова...») наполнен разнообразными природными маркерами с отрицательной коннотацией (*пелесь кекинесынзе теишттнень* 'туча скроет звезды', *чись а кази налгак* 'солнце не подарит ни лучика', *ковось ожо тюссо вем а артсы* 'луна желтым цветом ночь мою не украсит', *кежишть лейтне* 'рассердятся реки', *лейтне емавтсызь ведтнень* 'реки растеряют воды') (с. 66). Злобный по отношению к героине, не коррелирующий с ее состоянием природный мир восполняет любимый мужчина, который «омывает ее своим светом», «дарит тепло», поэтому ожидаемо ее решение отказаться «писать о природе», «свою песню посвятить лишь ему». Взаимоотношения с возлюбленным наполняются онтологическим смыслом, символизируют цельность, полноту, гармонию бытия, что передается посредством классических образно-метафорических конструкций *уцяскань иневедьсэнек экишлян* 'купаюсь в нашем море счастья', *седейстэть теиштинем кияк а правтсы* 'из сердца твоего никто не выбросит мою звезду' (с. 66).

Поэтесса часто соотносит отношения влюбленной героини с узким деревянным мостом («Иля кевкстне эйсэнь...» («Не спрашивай меня...»), «Лембе валсо вельтасак монь валом...» («Теплым словом укроешь мой сон...»), «А ськамон» («Не одна»), таким образом подтекстово передавая философскую мысль о хрупкости, недолговечности человеческого счастья. Традиционная интерпретация символа обрастает авторским его прочтением, что обусловлено мироощущением поэтессы, современной женщины, ее ментальными особенностями. В стихотворении «Не спрашивай меня...» героиня заявляет об уверенности в выборе своей женской судьбы, что транслируется посредством убеждающей читателя анафоры *Одс ды одс кинть кочкавлия текень, /*

Одс ды одс чопавтовлинь сельмезэть, / Одс ды одс пурнавлинь мартот пизэ (с. 59) 'Снова и снова выбрала бы ту же дорогу, / Снова и снова окунулась бы в твои глаза, / Снова и снова свила бы с тобой гнездо'. Для раскрытия восприятия женщиной мужчины, с которым она создала семью, автор использует семантически емкую конструкцию «я – для тебя», способствующую созданию психологического эффекта единства супругов, их предназначенности друг другу. Антиномии гармонии семейного мира составляет образ узкого деревянного моста (*куш сэдекс лазнэсь тея*), воспринимаемого символом хрупкости, уязвимости женского счастья героини, которое легко разрушить непониманием, столкновением характеров (*Содан, аволь свал манеят, / Ды а сепан – монськак эрсян сэней* (с. 59) 'Знаю, ты не всегда в настроении, / Да не скрою – сама бываю горькой'). М. Еремина не склонна к излишней откровенности, страстности, в ее лирике нет телесных, тактильных ощущений, поэтому противоречия в паре разрешаются посредством мотива теплого взгляда любимого мужчины (*Вановтот валы оймезэнь кизэ* (с. 59) 'Взгляд твой волеет мне в душу лето').

Традиционные образно-метафорические ряды доминируют в стихотворении «Молян икелев, молян тонь пелев...» («Иду вперед, иду к тебе...»), построенном на местоименной схеме «я – ты – мы», максимально сокращающей дистанцию между героиней и объектом ее любви, адекватно передающей сокровенный смысл их общения, создающей эффект соприсутствия, единства. В первых двух строках состояние героини, непрерывность поиска возлюбленного передаются глаголами движения первого лица (*молян* 'иду', *ванан* 'смотрю', *шлясынъ* 'отмою', *ютынъ* 'ходила', *вешининъ* 'искала', *ливтнинъ* 'летала'), в четвертой строке с его появлением вводится форма второго лица (*венстясыть кедеть* 'протянешь руки', *вастат монь эйсэ* 'встречаешь меня'), в последней строфе вербализуется форма третьего лица (*мольтяно* 'идем', *кельгтяно* 'умещаемся', *мизолдтано* 'улыбаемся'). Изменение грамматических форм лица в тексте призвано передать процесс поиска героиней любви, трансформацию ее состояния, динамику взаимоотношений с возлюбленным. Хронотоп произведения распахнут, развернут вовне – героиня одновременно находится в прошлом и настоящем.

Жизнь без любимого изображается психологизированно (*Маштокинность виень, селмон яжавкинность, / Кемеман-бажамон кевс порксавкинность* (с. 67) 'Обессилела я, крылья сломались, / Надежды-желания разбились о камни'), в драматическом контексте используется классический образ «пути» (*Шллилинь сельведьсэ менчевезь янон* (с. 67) 'Омыла слезами извилистые дорожки'), метафора *вешинь тонь эйсэ мон чить, ков алга* 'искала тебя днем, под луной' передает цикличность временного пространства, в котором действует героиня. Гармония, умиротворенность настоящего передаются посредством традиционных пейзажно-образных рядов: *Варминесь моры нурсема морот, / Састыне прыця лопат кутмори. / Сексень читнева мольтяно вейсэ. / Яннэсь теине, ды минь кельгтяно, / Меельце сырнентень мизолдтано* 'Ветерок поет колыбельные, / Осторожно обнимает падающие листья. / В осенних днях идем вместе. / Тропинка узкая, но мы умещаемся, / Последнему золоту улыбаемся'. В этих строчках нет интенсивного эмоционального напора, созерцательность, приглушенные звуки, сдержанная цветовая палитра создают философское настроение, вызывают размышления о ценности человеческого счастья.

Иной экзистенциально-мотивный пласт составляют стихотворения «Пульзян икелеть...» («Преклонюсь пред тобой...»), «Ачарькодегат, стяконь кевкстнемат...» («Непонимание, пустые вопросы...»), «Валдо кемемам пандтнезь раужосо...» («Моя светлая вера заштопана черным...»), «Кодамо чумом икелеть, кудамо?» («В чем моя вина пред тобой, в чем?») и др., в которых любовь причиняет героине боль, разочарование, страдание. Расставание с возлюбленным, невозможность восстановления отношений передается посредством имеющих отрицательную коннотацию символических образов «горькой рябины», «каменного сердца», «сломанных крыльев», «колючих ураганов», «увядших / растоптанных цветов / букета цветов», «забитого гвоздем сердца», «закрытой двери», «погибшей души восхода», «соленых снов», «потемневшего света», «пустой ладони», «упавшей звезды» и др. В стихотворении «Иля учо эйсэнь, мон а сан...» («Не жди меня, я не приду...») ключевым образом является букет цветов, наделяемый разными смысловыми гранями: букет белых цветов мужчина дарит героине в надежде заслужить ее про-

щение, отрицательное решение женщины передает букет увядших цветов, изменения в ее личной жизни связаны с цветами, которые она «посадила сама». Таким образом посредством цветов имплицитно завязка, развитие и развязка драматического любовного конфликта. Смелое заявление героини в первой строке свидетельствует о том, что именно она явилась инициатором разрыва отношений, причины которого в тексте не вербализованы, однако в подтексте прочитывается измена, предательство со стороны возлюбленного. Как и в других стихотворениях, здесь нет деталей внешнего облика героя, на первом плане иной образный ряд, связанный с внутренними переживаниями женщины и поведением мужчины. Душевная боль героини передается оригинальной метафорической конструкцией *сельведтнесэ ледстнеман салтан* 'слезами воспоминания солю', ее верность любимому – традиционными образами цветов: *Кадык секеть цецятне седейсэнь* (с. 70) 'Пусть эти же цветы в моем сердце'. Несмотря на глубокое разочарование, героиня находит в себе силы жить, строить новые отношения с надежным мужчиной, что имплицитно метафорой *кеме мода лангс чалган яном* (с. 70) 'на прочную землю направлю свою стезю'. В авторской концепции любовь осмысливается категорией моральной, нравственной, она определяет этические принципы человека, с ней связаны такие понятия, как верность, преданность, надежда, ответственность.

В названии стихотворения «В чем моя вина пред тобой, в чем?» явно прослеживается аллюзия к Цветаевской «Мой милый, что тебе я сделала?». Первая строка становится завязкой лирического сюжета, развивающегося в психолого-драматическом ключе. В желании искупить некую «вину» перед возлюбленным героиня вершит суд над собой, обвиняя в гибели любви себя, свою непокладистость: *эзинь машто (нейгак а маштан) савтомс* (с. 54) 'не умела (и сейчас не умею) угождать'. Статичность их взаимоотношений передается посредством метафоры *ды эрва чинть истяня, эрванть, / Полавтан таркаст менелеть ды модат* (с. 54) 'и каждый день так, каждый, / Меняю местами твои небеса и земли'. Оригинальная образная конструкция *панжовлия седееть – эксэ чавозь* 'открыла бы твое сердце – забито гвоздями' определяет следующий этап развития любовной драмы, свидетельствует

об экзистенциальности ситуации, невозможности продолжения отношений, неизбежности расставания. В метафоре *Сон эрямодонть, сон монь зйтэ явозь, / Сон кастызе ютксоннок сэрей пандонть* (с. 54) 'Он от жизни, он от меня оторван, / Он взрастил между нами высокую гору' подтекстово читается причина разлада отношений – измена возлюбленного. Троекратный повтор местоимения «он» усиливает экспрессивное звучание текста, передает боль, душевный надрыв героини. Кульминационными становятся строки, в которых она в ироничной форме признает свою «вину»: *Чуман икелеть – ойдем эзинь сепо, / Манчемань шаршав экис эзия кекшине* (с. 54) 'Виновата пред тобой – душу не скрывала, / За анавеску лжи не прятала ее'. Суд над героиней, верной, преданной, честной, вершить не мужчине, предавшему ее, а «первому инею», универсальному символу чистоты, непорочности.

Аллюзия к цветаевской «Вчера еще в глаза глядел...» прослеживается и в стихотворении «Ансяк исяк ульнить допрок лия...» («Только вчера ты был другим...»), построенном на поэтической антитезе «вчера – сегодня». «Только вчера», когда мужчина говорил о своей любви, противопоставляется «сегодня», где он уже разлюбил. Анафористическое начало первой строфы (*Ансяк исяк ульнить допрок лия, / Ансяк исяк лия валт кортыть* (с. 44) 'Только вчера ты был другим, / Только вчера говорил другие слова') усиливает состояние отчаяния героини, передает неожиданность для нее кардинальных перемен в возлюбленном. Кульминация лирического действия передается посредством построенной на образе цветов экзистенциальной метафоры *евтазь мелесь пужсь, прок чалгазь цеця* (с. 44) 'сказанное завяло, словно растоптанные цветы'. Во второй части стихотворения в эмоциях героини появляется новый компонент – рассуждение, ее отчаяние трансформируется в принятие ситуации, восприятие ее как типичной, обычной закономерности в отношениях женщины и мужчины, как проявление некоего извечного финала, мысль о расставании осмысливается законом жизни. О новой грани в ее оценке действительности свидетельствует архаический образно-метафорический ряд: *Сезевезенть поладомс а лиси: / Тон – а суре, седеем – а коцт* (с. 44) 'Разорвавшееся не соединить: / Ты – не нитка, мое сердце – не полотно'. Это осознание не сни-

мает боли героини, не снижает драматизма ее переживания, но помогает принять случившееся как онтологически обусловленную данность.

Заключение

В любовной лирике М. Ереминой отражается извечный общечеловеческий опыт и то, что переживается вновь и вновь, многомерность и разные оттенки любви. Поэтесса транслирует традиционную интерпретацию взаимоотношений между женщиной и мужчиной, что обусловлено ее мировидением, индивидуально-творческой концепцией. Внимание автора сконцентрировано на стихии женской любви, раскрытию эмоционально-психологического состояния героини, мужчина становится объектом ее любви / нелюбви, он не наделяется индивидуально-субъективными чертами, его поведение, отношение к героине транслируются через ее восприятие. В процессе художественной репрезентации любви поэтесса избегает изображения безудержной страсти между влюбленными, элементов любви-игры или любви-проекта, кокетства или флирта героини, она нежна, открыта в признании любимому, но сдержанна, стыдлива, целомудренна, что объясняется, на наш взгляд, национальными ментальными чертами.

Талант М. Ереминой проявляется в оригинальности построения лирического сюжета, целенаправленном отказе от вербализации и выведении в подтекстовый контекст определенных нюансов во взаимоотношениях героини и ее возлюбленного, глубине раскрытия женской ментальности, импликации на материале гендерных взаимоотношений вопросов нравственно-этического, онтологического характера. Любовное чувство в стихотворениях М. Ереминой представлено в разных ипостасях – счастье, полнота бытия, верность, служение любимому, трагедия, предательство, терзание, разочарование, ложь и др. В произведениях о счастливой любви автор использует вариации традиционных образно-метафорических конструкций с положительной коннотацией, драматические взаимоотношения репрезентированы посредством самобытных изобразительных средств и символических концептов с негативной семантикой. Стихотворения о любви-драме, на наш взгляд, более выразительны, эмоционально действенны, вызывают у читателя рефлексию, разнообразные ассоциации.

В творческой мирореальности М. Ереминой расставание влюбленных, гибель любви осмысливается экзистенциальной ситуацией, при этом онтологически обусловленной: испытывая боль, разочарование, разлюбленная / разлюбившая героиня не впадает в отчаяние, воспринимает ситуацию типичным финалом отношений женщины и мужчины.

1. Михайлова И. П., Лукьянчикова О. С. Любовная лирика Лидии Шелест: культурно-исторический аспект // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. № 3 (31). С. 41–49. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36346538> (дата обращения 15.03.2024).

2. Братчикова Н. С. Любовная лирика в финской литературе: от истоков до начала XX в. // Финно-угорский мир. 2016. № 1 (26). С. 19–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lyubovnaya-lirika-v-finskoy-literature-ot-istokov-do-nachala-xx-v> (дата обращения: 13.03.2024).

3. Гудкова С. П., Самойленко В. А. Художественные особенности любовного лирического цикла в современной русской поэзии Мордовии // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 1. С. 43–52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennye-osobennosti-lyubovnogo-liricheskogo-tsikla-v-sovremennoy-russkoj-poezii-mordovii> (дата обращения: 15.03.2024).

4. Косинцева Е. В. Образ возлюбленной в хантыйской поэзии // Сибирский филологический журнал. 2010. № 4. С. 123–134. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-vozyublennoy-v-hantiyskoj-poezii> (дата обращения: 14.03.2024).

5. Малева А. В. Отношения «лирическая героиня – мужчина» как реализация темы любви в современной женской лирике коми // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2011. № 4 (18). С. 415–418.

6. Пантелеева В. Г. Удмуртская поэзия рубежа XX–XXI вв.: жанрово-стилевые и образные модификации // Studia Litterarum. 2019. Т. 4. № 1. С. 286–309. DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-1-286-309>

7. Современная марийская лирика: художественные модели мира и поэтика творческой индивидуальности: коллект. монография / Р. А. Кудрявцева, Н. Н. Старьгина, Н. И. Любимов и др.; сост. и науч. ред. Р. А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2022. 181 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50220682> (дата обращения: 14.03.2024).

8. Косинцева Е. В. Тема любви в лирике М. И. Новыхова // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 3. С. 472–478. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-3-472-478>

9. Налдеева О. И., Азыркина Е. И., Дьячкова Е. Н. Художественные особенности любовной лирики Р. К. Орловой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 1. С. 217–221. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.44>

10. Шаронова Е. А., Савонина Н. А. Идея Вечной женственности в поэзии А. М. Шаронова (на материале стихотворения «Валентина») // Litera. 2023. № 5. С. 10–18. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.5.40677>

11. Шеянова С. В., Юсупова Н. М., Габидуллина Ф. И. Специфика поэтической системы Алины Подгорновой (сборник «Мель» («Мысль»)) // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 1. С. 123–132. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-1-123-132>

Статья поступила в редакцию 17.01.2025 г.; одобрена после рецензирования 20.02.2025 г.; принята к публикации 17.03.2025 г.

Об авторе

Шеянова Светлана Васильевна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры финно-угорской филологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6504-3410>, sheyanovas@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Mikhailova I. P., Lukiyanichikova O. S. Lyubovnaya lirika Lidii Shelest: kul'turno-istoricheskii aspekt [Lydia Shelest's Love Poetry: Cultural and Historical Aspects]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie* = MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education, 2018, no. 3 (31), pp. 41–49. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36346538> (accessed 15.03.2024). (In Russ.).

2. Bratchkova N. S. Lyubovnaya lirika v finskoi literature: ot istokov do nachala XX v. [Love lyrics in Finnish literature: from origins to the early XX century]. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World, 2016, no. 1 (26), pp. 19–25. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lyubovnaya-lirika-v-finskoy-literature-ot-istokov-do-nachala-xx-v> (accessed 13.03.2024). (In Russ.).

3. Gudkova S. P., Samoilenko V. A. Khudozhestvennye osobennosti lyubovnogo liricheskogo tsikla v sovremennoi russkoi poezii Mordovii [Artistic features of the love lyric cycle in modern Russian poetry of Mordovia]. *Vestnik ugrovedeniya* = Bulletin of Ugric Studies, 2020 vol. 1, no. 10, pp. 43–52. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennye-osobennosti-lyubovnogo-liricheskogo-tsikla-v-sovremennoy-russkoy-poezii-mordovii> (accessed 15.03.2024). (In Russ.).

4. Kosintseva E. V. Obraz vozlyublennoi v khantyiskoi poezii [Image of a beloved in Khanty poetry]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* = Siberian Journal of Philology, 2010, no. 4, pp. 123–134. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-vozlyublennoy-v-hantyyskoy-poezii> (accessed 14.03.2024). (In Russ.).

5. Maleva A. V. Otnosheniya “liricheskaya geroinya – muzhchina” kak realizatsiya temy lyubvi v sovremennoi zhenskoi lirike komi [The relationship “lyrical heroine – man” as a realization of the theme of love in modern Komi women’s lyrics]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya* = Bulletin of Orel State University. Series: New humanitarian research, 2011, no. 4 (18), pp. 415–418. (In Russ.).

6. Panteleeva V. G. Udmurtskaya poeziya rubezha XX–XXI vv.: zhanrovo-stilevye i obraznye modifikatsii [Udmurt poetry of the late 20th and early 21st century: transformation of genres, styles, and images]. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no. 1, pp. 286–309. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-1-286-309>

7. Kudryavtseva R. A., Starygina N. N., Lyubimov N. I. et al. Sovremennaya mariiskaya lirika: khudozhestvennye modeli mira i poetika tvorcheskoi individualnosti: kollekt. monografiya [Modern Mari lyrics: artistic models of the world and the poetics of creative individuality: collective monograph]. Comp. and scientific ed. R. A. Kudryavtseva, Yoshkar-Ola, 2022, 181 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50220682> (accessed 14.03.2024). (In Russ.).

8. Kosintseva E. V. Tema lyubvi v lirike M. I. Nov'yukhova [The theme of love in the lyrics of M. I. Novjukhov]. *Vestnik ugrovedeniya* = Bulletin of Ugric Studies, 2020, vol. 10, no. 3, pp. 472–478. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-3-472-478>

9. Naldeeva O. I., Asyrkina E. I., D'yachkova E. N. Khudozhestvennye osobennosti lyubovnoi liriki R. K. Orlovoi [Artistic features of R. K. Orlova’s love lyrics]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philology. Theory & Practice, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 217–221. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.44>

10. Sharonova E. A., Savonina N. A. Ideya Vechnoi zhenstvennosti v poezii A. M. Sharonova (na materiale stikhotvoreniya “Valentina”) [The idea of eternal femininity in the poetry of A.M. Sharonov (based on the poem “Valentine”)]. *Litera*, 2023, no. 5, pp. 10–18. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.5.40677>

11. Sheyanova S. V., Yusupova N. M., Gabidullina F. I. Spetsifika poeticheskoi sistemy Aliny Podgornovoi (sbornik “Mel” (“Mysl”)) [The specifics of the poetic system of Alina Podgornova (collection “Mel” (“The Thought”))]. *Vestnik ugrovedeniya* = Bulletin of Ugric Studies, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 123–132. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-1-123-132>

The article was submitted 17.01.2025; approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 17.03.2025.

About the author

Svetlana V. Sheyanova

Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Finno-Ugric Philology, National Research Ogarev Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6504-3410>, sheyanovas@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.